

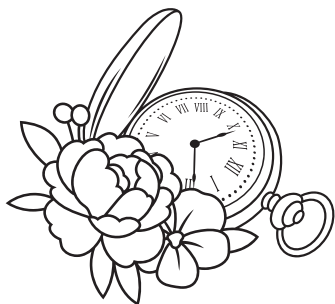

Все гении, родившиеся женщинами,
потеряны для общественного блага.

Стендаль

Часть первая

Глава 1

Когда Джейн перебралась через изгородь, грязь из лужи, в которую она наступила, забрызгала ей ботинки, платье и лицо. Она помедлила секунду и спросила себя: «Не потому ли мне трудно найти мужа, что у меня такие манеры?»

В восемь часов утра Джейн прогулялась по чужому огороду, засаженному репой. Кроме этого обстоятельства имелись и другие признаки, позволявшие считать непригодность к супружеству отличительным свойством ее натуры. Перемахнув через каменную изгородь и оказавшись на соседнем поле — впрочем, это было скорее болото, чем поле (почему путь Джейн всегда пролегал через самые грязные уголки сельской Англии? Неужто грязь ее привлекала?), — она принялась составлять список причин, лишивших ее надежды выйти замуж.

Многолюдному обществу она предпочитала хорошую книгу или долгую прогулку в одиночестве. Соседи единодушно находили эти привычки весьма странными для девушки. Прически и платье она портила с одинаковой быстротой. Кольцо светло-каштановых волос, заплетенных маменькой в косу и уложенных на макушке, теперь превратилось в неряшливый узел и болталось под левым

ухом. Так ли подобает выглядеть молодой особе, желающей составить хорошую партию?

Но как бы предосудительна ни была склонность Джейн к чтению, пешим прогулкам и порче причесок, все это меркло в сравнении с другим ее грехом — писательством.

Писала она не письма и не стихи (хотя и то и другое выходило у нее превосходно), а романы. Сюжет зарождался в ее воображении во время бала или в лесу, после чего она нещадно дразнила это зерно, заставляя его прорасти. Она ходила сама не своя, не в силах думать ни о чем другом, пока книга не будет написана. Пока сестры не воссоединятся, злодеи не получают по заслугам, а влюбленные не поженятся. Наконец, обогатив мир мечты своим голосом, Джейн бросала перо и засыпала с опустошенной головой, а наутро просыпалась с новым замыслом, и беспокойный труд начинался сначала. Он был для нее необходим, как дыхание.

Литературные занятия ценились гораздо ниже, чем вышивание или рисование акварелью, однако позволяли хотя бы показать, что у девушки хороший почерк. По этой причине родные Джейн на первых порах мирились с ее увлечением. К тому же историйки, которые она придумывала, были занимательны и помогали скоротать время в воскресенье между возвращением из церкви и обедом. Однако шли годы, а Джейн все не выходила замуж, и постепенно сочинительство превратилось из безобидной странности в изъян, препятствующий верному течению женской жизни. Ведь леди книг не пишут.

Романов Джейн никто не печатал. Когда ей исполнилось девятнадцать, папенька, движимый отцовской гордостью, отправил одно из ее сочинений в Лондон издателю Томасу Кэделлу, предложив взять расходы на себя. Семейство радовалось, ожидая, что увидит свое имя на обложке книги, но через несколько недель Кэделл вместо ответа просто возвратил рукопись. Роман не заслуживал даже письменного отказа — так он оказался плох. К другим издателям

Джордж Остен обращаться не стал, и Джейн спрятала свое сочинение у себя в комнате под половицами.

И все же, хоть талант ее никем не признавался, не писать она не могла. Существовали, конечно, и другие пишущие дамы, но все они считались исключениями из правила. Странными и даже нездоровыми. К примеру, Анна Радклиф, кумир Джейн, опубликовала пять романов, что было для нее позволительно, так как она не имела детей. Миссис Остен не желала своей дочери такого будущего и потому однажды (во вторник после обеда) пригрозила предавать огню все, что та ни напишет (если это будет не список покупок).

С тех пор Джейн скрывала свое увлечение. Гуляя по лесу, она кое-как записывала мысли на клочках бумаги, а потом, когда мать уходила на рынок, собирала все воедино.

Сегодня Джейн с рассвета бродила в рощах близ Бата. О своих шансах на замужество она задумалась не случайно: менее чем через час для знакомства с нею в дом должны были явиться мистер Чарльз Уизерс (молодой джентльмен) и его отец. Этих господ она никогда прежде не встречала, однако сознавала значимость их визита. Раньше ей казалось, что в джентльменах недостатка быть не может: не на этой неделе, так на следующей придет кто-нибудь новый. Но тогда ей было двадцать, а теперь — двадцать восемь, и за последние семь месяцев ни один мужчина ее не посетил. Она даже решила, что, вероятно, уже и не посетит.

А муж был ей нужен — по двум причинам. Во-первых, не обзавестись им значило остаться старой девой, а это, в свою очередь, значило погубить свою жизнь (о чем ежедневно напоминала ей мать). Сейчас Джейн носила почетный титул второй по возрасту незамужней девицы западнее Лондона, уступая пальму первенства собственной дорогой сестре Кассандре, которая до сих пор не сделалась матерью семейства лишь потому, что ее жених скончался. Джейн такого оправдания не имела. Чем старше она становилась,

тем с большим сожалением смотрели на нее родные и друзья, а жалость — не то чувство, которое часто приводит мужчин к алтарю. Если она не выйдет замуж до тридцати, все пропало.

Вторая причина касалась финансов. Когда родители покинут этот мир, небольшое состояние отца унаследует Джеймс, старший сын. Джейн будет во всем зависеть от братьев: богатых, которым нет до нее дела, и бедных, которым она более дорога. Чтобы не жить у них на содержании, она сможет зарабатывать продажей цветов, стиркой или пиратством.

Существовала и третья причина, заставлявшая Джейн думать о замужестве. Это было праздное желание — такое нелепое, что она не решалась упомянуть о нем вслух.

Ей хотелось любви.

Однако она каждый день напоминала себе, что для женщины ее положения любовь — это роскошь, и каждый раз, когда подобные мысли лезли ей в голову (а они, надо сказать, были довольно назойливы), она гнала их прочь. Что толку думать о прихотях?

Перебравшись через живую изгородь из букса, Джейн снова приземлилась в грязь, которая на сей раз забрызгала ее выше пояса. К тому же кусочек земли попал ей в глаз, а в волосах застрял листок. Она стала очень похожа на рябое яйцо. Чтобы заполучить мистера Уизерса в мужа, следовало принять кое-какие меры. С бедностью и возрастом Джейн ничего поделать не могла, но если бы ей удалось скрыть свою подлинную натуру (хотя бы на час), у нее, вероятно, появился бы маленький шанс.

Достав из кармана перо и клочок пергаментной бумаги, она составила список. Наиболее подходящей тактикой, пожалуй, была молчаливость, ведь проявление женского ума могло обеспокоить джентльменов. Если же говорить все-таки придется, она постарается ограничиться замечаниями о погоде или (еще лучше) теми неопределенными восклицаниями, которые так к лицу дамам.

Улыбаться — таков был следующий пункт в ее списке. Когда она думала, ее лицо обыкновенно принимало хмурое выражение. Ах! «Не думать», — написала она.

Заполнив клочок бумаги указаниями, адресованными самой себе, Джейн положила его в карман и покинула сомерсетские поля. Используя шпиль церкви Святого Суизина в качестве ориентира, она возвратилась в Бат — позднее, чем следовало. Ступив на мостовую, девушка вскоре заметила впереди себя спину седовласого джентльмена.

— Папа, какие дела привели вас в эту часть города? — спросила Джейн, пряча список поглубже.

Отец обернулся. Его голубые глаза засветились.

— Я наслаждался чудесным сомерсетским воздухом, — сказал он, — и, видимо, заблудился. Проводишь старика до дому?

— С удовольствием.

Джейн погладила отцовскую руку. Годы служения в холодных церквях не пощадил позвоночник Джорджа Остена. Он не мог пройти больше пятидесяти ярдов, не бранясь. Поэтому дочь, конечно же, поняла: он не просто прогуливался, а разыскивал ее. Хотел удостовериться, что она не утонула в грязи полей.

Отец не стал торопить Джейн и не напомнил ей о визите господ Уизерсов. Преодолев семидесятилетний рубеж, он все еще был красив, как на том своем портрете, для которого позировал, будучи молодым священником. Сегодня его длинные седые волосы, собранные сзади, украшала голубая ленточка, привезенная Джейн из Кента. Он редко ее носил, говоря, что она слишком нарядна для будней. Джейн немного обижалась, хотя и не показывала виду. Сегодня лента была извлечена из шкатулки. По-видимому, отец хотел завоевать расположение дочери, что ему вполне удалось.

Идя домой, они прошли по Столл-стрит, мимо Насосной залы — величественного здания медового цвета с колоннадой, напоминавшей портик древнегреческого храма. Женщина в изумрудном плаще остановилась на

тротуаре и подняла голову, как будто вознося молитву. Джейн нахмурилась. Такие сцены были здесь отнюдь не редки, ибо Насосная зала и в самом деле являла собой храм, достойный поклонения. В этих стенах не только пили чай и целительную воду, не только плели интриги. За этими колоннами обсуждались условия самых блестящих брачных договоров Англии. Джейн никогда сюда не входила: ее, одинокую, быстро стареющую женщину, встретили бы не многим более радушно, чем прокаженного.

Она ненавидела город, в котором жила. Родители переехали в Бат, когда отец оставил служение и семье пришлось покинуть уютный пасторский дом в Гемпшире. Если раньше Джейн окружала тишь зеленых полей, то теперь ей на смену пришли туманы и сплетни. Родители утверждали, будто переезд на запад благотворен для здоровья отца (и соседи, и газеты наперебой восхваляли целебные свойства минеральных вод), но Джейн подозревала другую причину. В свое время Джордж и Кассандра Остен познакомились в Бате, а теперь две их дочери стремительно приближались к стародевичеству. Вероятно, переселение было затеяно не ради пищеварения преподобного, но ради последней отчаянной попытки сбить с рук отпрысков женского пола. Если семейство еще могло надеяться на эти счастливые события, то где же им было произойти, как не в Бате — брачной столице Англии, городе, где поженились маменька и папенька?

Однако два года пролетели, а ни Джейн, ни Кассандра замуж не вышли. Никто к ним не посватался, хотя вокруг них, в чайных и бальных залах, совершались тысячи помолвок. Только в прошлом месяце три соседки стали невестами. До того, как это произошло, их женихи были представлены Кассандре и Джейн, но ни один не нанес сестрам повторного визита.

Джейн, отведя взгляд, обошла женщину в зеленом плаще, продолжавшую молиться перед Насосной залой. Сама она, Джейн, была хотя бы не такой чудачкой — или, во всяком случае, надеялась на это.

Глава 2

Из всего того, за что Джейн «обожала» Бат, наибольшее наслаждение доставляли ей соседи. Обитатели Сидни-Хауса были сплошь добрейшими людьми, всегда готовыми поведать вам о невзгодах других жителей. Одна из этих отзывчивых душ, леди Джонстоун, приветствовала Остенов у парадной лестницы.

— Сегодня вы ожидаете мистера Уизерса из Кента и его сына, — сказала она. На ней была длинная накидка со многими складками. Если этой даме хотелось, чтобы обилие ткани, покрывающей ее тело, красноречиво свидетельствовало о богатстве мужа, то это ей удалось. Поигрывая ридикюльчиком, она нарочно держала его так, чтобы французский шелк переливался на солнце. — На мистере Уизерсе синий сюртук. Пуговицы меньше, чем я ожидала. Боюсь, вы опаздываете: джентльмены, наверное, уже заметили ваше отсутствие, — произнесла леди Джонстоун с самым что ни на есть сердечным участием.

Она до сих пор пудрила волосы, хоть это вышло из моды лет двадцать назад, и пока она говорила, белая пыльца с ее прически сыпалась на руку Джейн.

— Спасибо, леди Джонстоун, — сказал преподобный. — Вы очень к нам добры. Премилая сумочка, сударыня. Это ваше новое приобретение?